

тронний ресурс]. Режим доступу : <http://www.khpg.org/index.php?id=1137149655>.

12. Барабаш Юрій Григорович. Державно-правові конфлікти в теорії та практиці конституційного права: монографія / Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – Х. : Право, 2008. – 220 с.

13. Сьрьогіна С.Г. Форма правління: питання конституційно-правової теорії та практики / С.Г. Сьрьогіна. – Х. : Право, 2011. – 768 с.

14. Малкіна Г.М. Подвійна політична відповідальність уряду як чинник його нестабільності [Електронний ресурс]. Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/GumS/2010_8/p_153_160.pdf.

15. Сушинський О.І. Конституційна відповідальність Кабінету Міністрів України: інституціональний аспект // Проблеми законності. – 2009. – Вип. 105. – с. 19–31.

16. Павленко Р.М. Парламентська відповідальність уряду: світовий та український досвід : автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / Р.М. Павленко ; НАН України. Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 2001. – 16 с., С. 7–8.

ОБЩИЕ НАЧАЛА ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ

Владимир МАКАРОВ,

соискатель кафедры уголовного права Института права имени Владимира Сташиса
Классического приватного университета

Summary

There was research the question of the general principles of construction of sanctions for offenses against morality in this article. It is noted that at the level of this type of crime problem has not been previously studied. There was analyzed the general principles of construction of sanctions for offenses against morality, which include economic conditionality, taking into account requirements of international legal instruments and provisions of the Constitution, the efficiency, the personification of criminal law impact, systemic, legality, appropriateness, humanism and equality.

Key words: general principles, offenses against morality, sanctions, efficiency.

Аннотация

В статье исследован вопрос общих начал построения санкций за преступления против нравственности. Отмечено, что на уровне этого вида преступлений ранее проблема не была изучена. Проанализированы общие начала построения санкций за преступления против нравственности, в число которых входит экономическая обусловленность, учет требований международно-правовых актов и положений Конституции, эффективность, персонификация уголовно-правового воздействия, системность, законность, целесообразность, гуманизм и равенство.

Сделан вывод о том, что действующие санкции за преступления против нравственности, которые предусмотрены в УК Украины, удовлетворяют не всем принципам построения уголовно-правовых санкций. Из-за существенной сверхкриминализации этих деяний и неоправданной дифференциации наказаний за эти преступления санкции за них завышены и не удовлетворяют системным условиям уголовного права и судебной практики.

Ключевые слова: общие начала, преступления против нравственности, санкции, эффективность.

Постановка проблемы. В науке уголовного права выделяют ряд принципов, которые можно отнести к общим началам построения уголовно-правовых санкций. К ним относят: экономическую обусловленность, учет требований международно-правовых актов и положений Конституции, эффективность, персонификацию уголовно-правового воздействия, системность, законность, целесообразность, гуманизм, равенство. Конечно же, эти начала следует рассматривать и в контексте проблемы построения санкций за преступления против нравственности. Очевидно, существует потребность отметить, что в украинской, российской, белорусской и большинстве других правовых систем бывшей советской империи экономическую обусловленность построения уголовно-правовых санкций признают в качестве основы, но не дают ей должного веса. Однако, по нашему мнению, это одна из важнейших основ построения

санкций, особенно на том фоне, что рассуждения о целесообразности и эффективности санкций существуют преимущественно в формате умозрительных тезисов. Не все гладко и с учетом требований международно-правовых актов и положений Конституции, поскольку эти требования нередко находятся в конфликте с другими началами построения уголовно-правовых санкций. Посему такое начало, как системность, тоже представлено в литературе формально, часто без конкретизации на уровне отдельных видов преступности, в частности преступлений против нравственности. Нетрудно заметить и существование сложностей с учетом такого начала построения уголовно-правовых санкций, как персонификация уголовно-правового воздействия. Что касается оставшихся начал – законности, гуманизма, целесообразности и равенства – то в литературе они хорошо описаны, но, к сожалению, без должной конкретизации.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что эта тема практически не была раскрытой. До настоящего времени не было ни одной работы, посвященной проблеме общих или частных принципов построения уголовно-правовых санкций за преступления против нравственности.

Состояние исследования. Научный анализ проблем построения санкции за преступления против нравственности осуществлялся не многими учеными, и то лишь по отдельным их аспектам. Среди них следует назвать О.А. Гоноченка, В.В. Дзунду, И.И. Лобова, В.А. Копыляна, В.В. Кузнецова, чьи работы могут быть базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов. Но в методологическом плане нельзя забыть и работы, посвященные вопросам уголовно-правовых санкций по отдельным группам преступлений: против собственности (Т.А. Денисова, Ю.В. Филей), против государственных финансов (Н.А. Гуторова), против личности (Н.Д. Семенова), против здоровья населения (А.П. Горох, А.А. Музыка), в сфере хозяйственной деятельности (О.А. Шаповалова).

Целью и задачей статьи является исследование общих начал построения уголовно-правовых санкций за преступления против нравственности, научных взглядов и разработок по этой проблеме. Новизна работы заключается в том, что в данной работе сделана попытка исследовать как положительные, так и отрицательные стороны системы общих начал построения уголовно-правовых санкций за преступления против нравственности.

Изложение основного материала. Благоразумный законодатель, сталкиваясь с вопросом о криминализации определенного вида поведения, задает себе вопрос, а нельзя ли решить проблему другим способом, не используя уголовно-правовые санкции? Когда он задает себе этот вопрос, он углубляется в сложную плоскость юриспруденции, сферу санкций. Дело в том, что мы не имеем системного объема теоретических знаний о видах санкций, достаточных для укрепления первичной нормы поведения, которой стремится содействовать закон, или об их отличных характеристиках, их сильных и слабых сторонах, ожидаемых выгод от

их использования. Мы также не всегда достойно оцениваем социальные расходы, которые мы берем на себя, реализуя уголовно-правовые санкции, которые проявляются в применении наказаний и других мер безопасности. Часто можно встретить в зарубежной литературе статистические отчеты, в которых указывается, что предотвращенный учтенный вред, благодаря предупредительной деятельности, значительно меньший, чем те расходы, которые выделяются на обеспечение судебных и правоохранительных органов. Часто этот вопрос замалчивают, когда решают проблему ценностного согласования санкций за преступления.

Важнейший вопрос, на который исследователи должны дать ответ, – это оценка эффективности отдельных санкций, то есть вопрос о том, выполняет ли санкция ту роль, которая ей отводится. До сих пор открытым остается вопрос, какие санкции и меры ресоциализации действуют, и как они действуют. Много свидетельствует о том, что сам факт вмешательства, то есть реагирования государства на поведение, отклоняющееся от нормы, имеет большее значение, чем конкретный вид реагирования, и между различными мерами нет более или менее значимых различий в части их ресоциализирующего эффекта. Какие бы ни были методики измерения эффективности наказания и связанные с этим проблемы, уровень рецидива, как показывают статистические данные, составляет от 40 до 60% в зависимости от личностных характеристик осужденных (возраст, судимость и т.п.). Часто при анализе практики исполнения наказания, замены одной санкции на другую с целью уменьшения рецидивов преступлений, обращает на себя внимание побочное действие санкций или их негативное влияние. Так, известно, что длительные сроки лишения свободы негативно влияют на личность. Именно поэтому необходимо расширять практику назначения коротких сроков лишения свободы или назначения лишения свободы с освобождением от его отбывания под условием. Результаты нашего исследования показывают, что судебная практика в Украине по применению санкций за преступления против нравственности заслуживает отличной оценки, поскольку количество реального отбывания наказания за эти преступления

мизерное. И это все происходит на том фоне, что рецидив этих преступлений меньше, чем у тех, которым характерна более строгая практика применения не альтернативных санкций, то есть тех, которые связаны с лишением или ограничением свободы.

Функционирование системы юстиции обходится недешево: в уголовно-исполнительных учреждениях на одного заключенного тратится около 40 грн. в день (на исполнение наказаний учреждениями и органами пенитенциарной службы Украины в 2013 г. было израсходовано 2,5 млрд. грн. бюджетных средств). Реальные расходы еще выше, поскольку служба тратит еще и свои средства из специальных фондов, и общество в целом тратит на эту систему дополнительные средства в виде спонсорской поддержки, волонтерства и т.д. В целом, если учесть это, расходы составляют почти бюджет всей системы здравоохранения в год. Расходы на содержание прокуратуры составляли 3,2 млрд. грн., органов внутренних дел на обеспечение защиты прав и свобод граждан, общества и государства от противоправных посягательств, охрану общественного порядка и противодействие незаконной миграции – 10,5 млрд. грн. На судей (если вычесть по критерию нагрузки уголовными делами – 600 млн. грн., из более 3,3 млрд. грн.). И это только прямые расходы, а сколько еще косвенных, даже представить страшно. Для сравнения приведем следующие данные: научное и информационно-аналитическое обеспечение мер по борьбе с организованной преступностью и коррупцией получает – 3,5 млн. грн. На исследование по всем направлениям, научные и научно-технические разработки, – всего 318 млн. грн., причем из них неизвестно, сколько средств расходуется на исследование вопросов, связанных с системой уголовно-правовых санкций и ее эффективностью. Считаем, что эту сумму даже не стоит искать, поскольку эта работа осуществляется отдельными исследователями-энтузиастами, вероятно, за собственные средства [1]. Эти обстоятельства дают дополнительные основания для критического подхода к оценке эффективности применения уголовно-правовых мер.

Большая часть экономической литературы опирается на гипотезы о

влиянии на потенциально преступное поведение такого института, как уголовное право. В ней спрашивается: могут ли потенциальные правонарушители изменить свое поведение в ответ на различные правовые альтернативы в политике [2, с. 169-217]. Однако сегодня в литературе объектом внимания является не сдерживающий потенциал уголовного права, а более актуальное направление – оптимальный выбор между частными и государственными органами. Но экономическая характеристика и выбор между опорой на частное обвинение (с особым акцентом на гражданской и договорной ответственности), или на государственное обвинение (как правило, предусматривается уголовная ответственность, а на самом деле и другие формы воздействия, такие как административное право) не были полностью удовлетворительными. Вероятно, наиболее всеобъемлющие и амбициозные из существующих экономических теорий «почему уголовное право?» предлагает Р. Познер [3, с. 1193-1231]. Он утверждает, что принципиальной разницы между правонарушениями и преступностью нет, что оба наказуемые деяния обходят существующие рынки. Он непосредственно признает, что не существует достаточно обоснованных аргументов, что эти виды правонарушений являются существенными противоположными примерами. Поэтому мы предпочитаем полагаться на роль жертвы и характер или масштабы ущерба для определения эффективности применения уголовно-правовых санкций. С этой позиции преступления против нравственности не оправдывают, в большинстве, те дорогие санкции, которые за них предусмотрены. Это, конечно, касается лишения и ограничения свободы.

Всегда существует альтернатива «ничего не делать». После тщательной оценки затрат и выгод можно сделать вывод, что лучше не вводить какие-либо санкции вообще, чем прибегнуть к одной из имеющихся. Нет, законодатель не может сказать, что он думал о том, что проблемы могут решиться сами собой. Но существует так называемая «нулевая гипотеза», которая заключается в том, что мы можем противостоять преступлениям и преступникам в такой степени, настолько мы можем противопоставить их блага тем

ценностям, на которые они посягают. Давайте представим крайний пример. Предположим, какой-нибудь депутат (а исторически такие попытки были, и они существуют и сейчас, как свершившийся факт в законодательстве других стран) решает подать законопроект, в котором предлагает искоренить внебрачный секс между взрослыми. Попешные рассуждения на эту тему приведут его к решению, что единственным средством для достижения этого результата будет наказание. Он быстро поймет, что для настоящей реализации задуманного надо было бы применять очень агрессивные методы правоохранительных органов, а расходы должны были быть колоссальными. И наоборот, вполне станет очевидным, что без таких расходов социальный контроль будет сведен к небольшой части дел, связанных с судебным преследованием «блудников». В ближайшее время этот депутат сделает вывод, что «расходы» были слишком велики для того, чтобы подавить явления блуда в обществе. Если же, конечно, подавление блуда не стоит самым верхним пунктом в перечне социальных целей.

Существуют аргументы о неконституционности использования уголовного наказания (или любой другой юридической санкции) в таких областях, как сексуальное поведение и непристойность, за исключением наказаний очень узкой группы деяний, которые могут вызвать негодование у светского общества. Конечно, существует поведение, которое может вызвать настоящую озабоченность общества, поэтому законодатель вынужден радикально отреагировать на него, как правило, путем установления уголовно-правовой санкции. Он действительно это сделает, если не хочет навлечь на себя гнев избирателей и проиграть следующие выборы, поэтому он лучше дважды подумает, прежде чем отказать обществу в таком «удовольствии». Однако это вовсе не означает, что законодатель, следуя желанию общества, соглашается с тем, что оно было правым в желании внедрить и применить такую радикальную меру. Итак, это не только вопрос целесообразности, светской, а часто бывает и религиозной морали, но и вопрос политики.

Мы должны помнить о тяжелых преступлениях против личности, с тем,

чтобы использование уголовного наказания в отношении менее серьезных преступлений можно было увидеть в правильной перспективе. И мы должны помнить, что милиционеры (полицейские), работники прокуратуры, судьи, работники исправительных учреждений должны посвящать свое время и энергию на то, чтобы решать проблемы с этими менее серьезными преступлениями. Ресурсы не бесконечны, они должны расходоваться равномерно и разумно. Иногда нам может показаться, что мы вполне можем позволить себе такие расходы, устанавливая уголовные санкции за преступления, которые не должны считаться тяжкими, и даже преступлениями. Но независимо от того, что может «купить гривна», она не имеет эквивалентной предельной пользы, потому учет этого простого факта будет мудрым.

Учет международных обязательств или стандартов все чаще отмечается в уголовно-правовой литературе. Такое впечатление, что мы об этих обязательствах не вспоминали десятки лет, часто игнорировали на уровне институциональной системы, а сейчас вспомнили, потому что так модно, престижно, нарядно. Тем не менее эти обязательства по отдельным преступлениям против нравственности уже существуют десятки лет, и начинались они еще в другую «эпоху», с куда меньшими техническими возможностями.

Сейчас есть нарекания по поводу реализации этих обязательств. Мы не будем приводить конвенционные документы и рекомендательные акты, касающиеся преступлений против нравственности, поскольку их очень много, и они чрезвычайно запутанные и противоречивые. С криминализацией этих деяний все понятно, то есть если договорное государство не предусмотрит в своем законодательстве соответствующих деяний, как преступных, то это означает для него невыполнение международных обязательств, даже учитывая то, что сама концепция соглашения содержала врожденные пороки, от которых со временем можно было бы избавиться. Здесь стоит сделать другой акцент. Все эти международные договоренности не ведут речи о конкретных санкциях, оставляя этот вопрос на усмотрение государств. Это означает, что государство не должно

предусматривать за них суровые наказания, если должно признавать преступность этих деяний по договору. Поэтому построение адекватной и эффективной санкции остается в его сфере ответственности и здесь оно может проявить гибкость. Кроме этого, эти конвенции могут быть денонсированы, и государство это может сделать в любое время. Печально, что, предусматривая возможность внесения в эти документы изменений, потребность в которых проверена временем и опытом, государства-члены так и не смогли это сделать, продолжая сохранять архаичные стандарты общественной морали, пренебрегая плюрализмом и расширением личных свобод человека и гражданина.

Относительно персонификации или индивидуализации уголовно-правового воздействия посредством санкций за преступления против нравственности, надо заранее отметить, что проблема уголовной репрессии состоит в том, что правонарушения совершаются, прежде всего, по причине неудачной социализации, чувственной нестабильности, недостаточного самоконтроля или принадлежности к преступной субкультуре, и что эти личностные или социальные факторы не подвергаются воздействию (по крайней мере, прямому) средствами уголовного законодательства. В настоящее время насилие, к сожалению, продолжает считаться наиболее эффективной формой влияния, а потому и необходимой для достижения социальных и экономических изменений. Это обусловлено значительными ошибками относительно положительной роли насилия [4, с. 86]. Отсюда – персонифицированное или индивидуализированное влияние санкций на лиц, совершивших преступления против нравственности, априорно определить чрезвычайно сложно. Если точнее, то сейчас никто не скажет нам наверняка, как это сделать, если же, конечно, не вылетит на нас ушат неопределенной информации, состоящий из общих фраз о том, как важно персонифицированное влияние санкций на адресатов запретов и их нарушителей.

Системность санкций – еще один принцип для их построения и применения. За время существования УК Украины 2001 г. в нормы об ответственности за преступление против нравствен-

ности 14 раз вносились изменения и дополнения, которые касались не только редакции гипотезы и диспозиции норм, но и санкций, и в этом направлении изменения были не всегда в сторону смягчения, а наоборот. Как всегда, сработала старая вера в сильную руку, и в жесткие санкции как более эффективные [5, с. 21]. Мы не видим аргументов в пользу того, что санкции за преступления против нравственности бессистемные или существуют с нарушением системных закономерностей. Но и существует противоречие общего масштаба, которое характерно всем подсистемам санкций в УК Украины, предусматривающим применение основных и дополнительных наказаний. Системность как проявление системы характеризуется целостностью, что указывает на ее границы.

Иерархичность системы предполагает, что каждый компонент системы может рассматриваться как система, сама система также может рассматриваться как элемент некоторой надсистемы (суперсистемы), то есть уголовного права в целом. Но выделение в системе наказаний подсистемы дополнительных наказаний в этом смысле противоречит третьему свойству систем – синергичности или эмерджентности, несводимости свойств системы к сумме свойств составляющих ее компонентов (неаддитивность). Дополнительное работает как альтернативное, то есть может применяться тогда, когда основное не работает. К сожалению, эмпирических доказательств того, что система наказаний более производительная, чем перечень наказаний в уголовно-правовой литературе, вообще нет.

Поскольку в санкциях за преступления против нравственности предусмотрен механизм действия основных и дополнительных наказаний, то мы должны отметить, что применение этого механизма противоречит пониманию дополнительности как альтернативе основной системе. Применение дополнительных наказаний за преступления против нравственности порождает повышение уголовно-правовой репрессии на фоне и так завышенных санкций за эти преступления.

Следующей основой построения санкций за преступления против нравственности является законность. При установлении уголовно-правовых

санкций должны органично сочетаться принципы законности и справедливости с тем, чтобы законная по форме, однако несправедливая по сути санкция, в конце концов, как на законодательном уровне, так и в правоприменительной деятельности была признана незаконной [6, с. 122]. Учитывая то, что уголовное законодательство позволяет заинтересованным лицам узнать о границах санкций, которые могут быть применены к ним, если они совершат преступление против нравственности, но, по иронии, не всегда дает возможность точно знать, являются ли их деяния преступными (характерно для преступлений против нравственности с оценочным предметом преступления), то можно сказать, что формально авторы санкций за преступления против нравственности обеспечили этот минимум законности.

Хотя в литературе и выделяют принцип целесообразности санкции при ее построении, надо отметить, что здесь необходимо скорее указывать на целесообразность конкретного наказания в санкции, чем на целесообразность санкции как таковой или наказания как такового. Этот вопрос напрямую имеет отношение к проблеме эффективности санкции. А что касается целесообразности применения наказания к конкретному лицу, то это уже другой контекстный вопрос. Представляется, что вопрос пенализации в контексте целесообразности конкретных видов наказаний надо решать с точки зрения возможной эффективности и экономической обусловленности, впрочем, этой проблемы мы уже касались.

Гуманизм как принцип для построения санкций такое же скользкое и умозрительное понятие, как справедливость, но без него тяжело представить теорию уголовного права. Речь ведут о том, что человека следует приносить в жертву ради интересов общества, но, по крайней мере, такая жертва не должна быть слишком высокой. Литература по этому вопросу обширна, поэтому нет необходимости напоминать основные положения теории этого принципа в уголовном праве. Однако относительно санкций за преступления против нравственности необходимо подчеркнуть, что с точки зрения этого принципа они настолько завышены, что «соревнуются» с санкциями за пре-

ступления против личности и половой свободы и неприкосновенности. Отсюда мы не можем утверждать, что с этой позиции санкции за эти преступления соответствуют указанному принципу.

Выводы. Действующие санкции за преступления против нравственности, которые предусмотрены в УК Украины, удовлетворяют не всем принципам построения уголовно-правовых санкций. Из-за существенной сверхкриминализации этих деяний и неоправданной дифференциации наказания, санкции за эти преступления завышены и не удовлетворяют системным условиям уголовного права и судебной практики. Специалисты следственных органов, как правило, не критикуют эту ситуацию, однако другие специалисты (судьи и адвокаты) недовольны той ситуацией, которая сложилась в законодательстве относительно санкций за преступления против нравственности, и это не должно удивлять нас.

Список использованной литературы:

1. Про Державний бюджет України на 2013 рік: Закон України від 6 грудня 2012 р., № 5515-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 5–6. – Ст. 60.
2. Becker G.S. Crime and punishment: an economic approach / Gerry Stanly Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – № 2. – P. 169–217.
3. Posner R.A. An economic theory of criminal law // Richard A. Posner // Columbia Law Review. – 1985. – Vol. 85. – P. 1193–1231.
4. Жестеров П.В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире / П.В. Жестеров // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 84–86.
5. Кузнецов В.В. Кримінально-правова охорона громадського порядку та моральності: особливості законотворчого процесу / В.В. Кузнецов // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – 2012. – № 1. – С. 20–28.
6. Книженко О.О. Реалізація принципів законності та справедливості при встановленні санкцій у кримінальному праві / О.О. Книженко // Наше право. – 2010. – № 4. – Ч. 2. – С. 120–123.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ

Олег МАРМУРА,
соискатель

Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

This article deals with examining of the main contradiction in understanding essence of the qualifying features, and establishing real essence of these features as a means of differentiation criminal responsibility based on existing contradiction. For this purpose it is considered correlation of qualifying features and circumstances of the crime, by setting essence of last, represented legislative mechanism of reflection of the circumstances of crime in the qualifying features of corpus delicti, learned question about denotation changing of social danger of corresponding actions by these features. In this article is made distinction qualifying features from other means of differentiation of the criminal responsibility, and especially from features of the main corpus delicti.

Key words: differentiation criminal responsibility, qualifying features, features of corpus delicti, circumstances of committing crime.

Аннотация

В данной статье анализируются основные подходы в понимании сущности квалифицирующих признаков, и на основе существующих противоречий выясняется действительная сущность данных признаков как средств дифференциации уголовной ответственности. При этом рассматривается соотношение квалифицирующих признаков и обстоятельств совершения преступления чрез установление сущности последних, изображается законодательный механизм отражения обстоятельств совершения преступления в квалифицирующих признаках состава преступления, изучается вопрос об обозначении данными признаками изменения общественной опасности соответствующих деяний. Также в статье осуществляется отграничение квалифицирующих признаков от некоторых других средств дифференциации уголовной ответственности, и особенно – разграничение этих признаков и признаков основного состава преступления.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, признаки состава преступления, обстоятельства совершения преступления.

Постановка проблемы. Наиболее распространено дифференциация уголовной ответственности понимается как распределение, разделение, расслоение уголовной ответственности непосредственно в самом законе, заключающиеся в установлении разных уголовно-правовых последствий совершения преступления в зависимости от степени общественной опасности преступления в целом или степени общественной опасности личности, совершившей преступление. Одним из средств такого разделения уголовной ответственности выступают квалифицирующие признаки. Однако если это утверждение можно признать общепринятым в научных кругах, то вопрос понимания самой сущности квалифицирующих признаков, и особенно их отграничения от других средств дифференциации уголовной ответственности,

является дискуссионным, а в отдельных аспектах и вовсе нерассмотренным.

Актуальность темы. Неоднозначное понимание сущности квалифицирующих признаков в дальнейшем негативно сказывается при исследовании отдельных составов преступлений, так как при этом имеет фундаментальное значение, а в правоприменительной деятельности приводит к ошибкам в толковании и применении уголовно-правовых норм. Сказанное говорит о безусловной актуальности научных исследований в указанном направлении.

Состояние исследования. Исследованию квалифицирующих признаков как средства дифференциации уголовной ответственности в той или иной мере посвящены работы Д.Ж. Буликеевой, Г.К. Буранова, К.А. Вакариной, О.М. Войтюк, А.А. Дудорова, О.В. Ильины,